

С. Я. Парнок

Письма

Оригинал здесь -- <http://brb.silverage.ru/zhslovo/>

Первая книга Софии Парнок (1885-1933) "Стихотворения" вышла в 1916 г., последняя -- "Вполголоса" -- в 1928 г. За свою более чем четвертьвековую жизнь в литературе -- ее первое стихотворение напечатано в 1906 г., последние стихи написаны за три недели до смерти, -- Парнок выступала как поэт (всего вышло пять ее поэтических сборников), критик (с 1911 по 1924 гг. ею опубликовано более тридцати статей и рецензий), переводчик (до последнего времени переиздавались в ее переводах роман Ж.Ренара "Рыжик", статьи Р.Роллана, рассказы А.Барбюса).

Книга "Стихотворения" была собрана после десяти лет поэтической работы и вышла в свет в год, когда ее автору исполнилось 30 лет. Это было осознанным поступком, соблазна вступить в литературу поспешным собранием "лирических грехов лирической младости" Парнок избежала.

"В книге Парнок не много стихов, и книга эта -- первая, то есть не все еще с ясностью определилось в молодом авторе даже для него самого. Но уже отчетливо виден в стихах Парнок их трагический характер, в них уже звучит низкий и слегка глуховатый голос поэта, пережившего многое"¹. В этих словах Владислава Ходасевича почти уловлены главные особенности поэзии Парнок: "трагический характер" ее стихов именно не "виден" в книге, а "слышен", и звучит он именно в *голосе* поэта, потому что в стихах первой книги Парнок нет трагизма *содержания* -- они очень сдержанны и ровны, четки и дистанционны, но внимание Ходасевича насторожил и слух его уловил трагизм тембра -- ни от чего, на ровном месте, как врожденное качество. Трагизм как *свойство* голоса. И вторая особенность -- способность этого голоса звучать в печатных строках. Во всей полноте переживать эту особенность могли только современники. Видимо, в случае Парнок имело место редкостное совпадение тембра ее физического голоса со звучанием ее стихов в сознании читающего, совпадение голоса реального и поэтического, органичное до неотличимости одного от другого. "Я очень радуюсь, что Вам нравится Софья Яковлевна, -- писал Волошин своей знакомой. -- У нее удивительный тембр голоса. А Вы полюбили ее стихи? По-моему, это не менее прекрасно, чем она сама. А это очень много"².

"Ею было издано несколько книг стихов, неизвестных широкой публике, -- тем хуже для публики", -- резюмировал Ходасевич после смерти Парнок³. И ее посмертное "Собрание стихотворений", собранное и изданное усилиями С.В.Поляковой⁴, достоянием широкой публики не стало, -- тем лучше для стихов. Потому что Парнок, как и Ходасевич, и может быть, в большей степени, чем Ходасевич, -- "поэт для немногих". Это определение, по поводу которого она так негодует в публикуемой ниже статье о Ходасевиче, -- давно стало почетным званием, а негодует она, вероятно, только потому, что этих "немногих" в ее время было еще очень много, но они так стремительно убывали, что уже через неполных пятнадцать лет, в марте 1936 г., Цветаева писала Пастернаку, соблазненному иллюзией быть понятным "массам": "И, по чести: чем масса -- судья? (твоим стихам и тебе). На 40 учеников в классе сколько -- любящих стихи? Ты -- да я? (Процент -- по моему великодушию, а на самом деле -- на 400, 4.000, 40.000 -- один)"⁵. Иными словами, "поэт для немногих" -- это поэт для "любящих стихи", а наше время давно миновало, думается, даже последнюю цифру цветаевского соотношения.

Позиция Парнок как литературного критика отличалась редкой независимостью от литературной политики эпохи. Эстетическая взыскательность сочеталась а ней с несколько архаическим в ее время этическим императивом; Марина Цветаева, воспринявшая от Парнок эту литературную позицию, впоследствии определила ее как "Искусство при свете Совести" (графика М.Цветаевой. -- Е.К.).

На страницах петербургского журнала "Северные записки" под псевдонимом "Андрей Полянин" Парнок помещала свои отзывы на новые произведения современников на протяжении всего времени издания журнала: 1913-1917 гг. Вернувшись в 1922 г. в Москву, после четырех крымских лет оторванности от литературной жизни, Парнок сразу же возобновила свою деятельность литературного критика. В 1922 г. ею были написаны три статьи и три рецензии⁶.

В возрожденном "Шиповнике" Парнок поместила статью "Дни русской лирики"⁷. Начиная ее напоминанием о вечном долге человека перед Богом и творчестве как выполнении этого долгового обязательства, автор полагает, что "степенью духовной платежеспособности определяется на весах вечности мировая, национальная и индивидуальная ценность личности". Переживаемое время ставит перед художником новые задачи: "Революцией, этим вихрем, сметающим все отжившее, взрываются новые ключи, возносятся новые высоты, разверзаются новые бездны, и народу, пережившему ее, в